

U.D.C. 82.09:821.161.1

THE STEPPE AS THE NATIONAL
SPATIAL IMAGE IN THE RUSSIAN
LITERATURE (ON THE MATERIALS
OF THE ORENBURG POETRY)I. Pykhtina, Candidate of Education, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

Through spatial image of the steppe is considered as a key element of the Russian national world-image. Analysis of steppe lyrics of Orenburg poets confirms the connections of the geographical factor with the mental one. Focus on the polysemantics of steppe scenery image allows us to emphasize the uniqueness and contradictoriness of the Russian national character.

Keywords: art space, spatial images, national space, national character, scenery, steppe image.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

УДК 82.09:821.161.1

СТЕПЬ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОЭЗИИ)Пыхтина Ю.Г., канд. пед. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

Сквозной пространственный образ степи рассматривается как ключевой элемент русской национальной картины мира. Анализ степной лирики оренбургских поэтов подтверждает связь географического фактора с фактором ментальным. Акцент на полисемантичности образа степного пейзажа позволяет подчеркнуть уникальность и противоречивость русского национального характера.

Ключевые слова: художественное пространство, пространственные образы, национальное пространство, национальный характер, пейзаж, образ степи.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i8.955>

Еще со времен античности (Аристотель, Геродот) исследователи объясняют особенности национально-го характера влиянием целого комплекса факторов, среди которых географический и природно-климатический называются в первую очередь, наряду с этническим, историческим, социально-экономическим, общественно-политическим, религиозным. О связи географических и климатических особенностей России и русской ментальности писали Л. Гумилев, И. Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, А. Лосев, Вл. Соловьев, П. Флоренский, Г. Федотов и др.

«Пейзаж русской души, – рассуждал Н. Бердяев, – соответствует пейзажу русской земли, подчеркивая безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широту национального русского сознания» [1, с. 8]. Эти же мысли философ развивал в эссе «О власти пространства над русской душой»: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. <...> Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [2, с. 60].

«Первый факт русской истории – это русская равнина и ее безудержный разлив. <...> отсюда неперевоодимость самого слова простор, окрашенного чувством мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным

расчлененный и перегороженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя», – писал В. Вейдле, русский мыслитель-эмигрант [3, с. 42-43]. Целый ряд высказываний такого рода собран в работе Д. и А.Замятинских «Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России» [10].

Отдельное и весьма оригинальное исследование, посвященное объяснению национальной специфики литературы через то пространство (место, ландшафт), на котором живет народ, через «природу, среди которой вырастает народ и совершает свою историю» принадлежит Г. Гачеву [5]. Ученый отмечал: «Природа (шире пространство) это то, что «определяет лицо народа. Она – фактор постоянно действующий» [5, с. 27]. Рассуждая о наиболее важных, врожденных элементах, повлиявших на культуру и менталитет народов, Г. Гачев писал: «Для немцев время более важно, чем пространство. Бытие и время, философские Sein und Zeit Хайдеггера. А для русских наоборот – пространство» [там же, с. 17]. «Русь! Куда же несешься ты?» «Что пророчит сей необъятный простор?» Писатели-художники, поэты чуяли излучение воли и смысла от Русского Космоса и пыта-

лись угадывать их значения. Пушкин, Гоголь, Тютчев, Блок, Есенин, Пастернак...» [там же, с. 217].

Природные факторы сплелись воедино и определили причудливую «географию русской души» (выражение Н. Бердяева), гениально раскрытую русскими писателями, которые, возможно, интуитивно почувствовали связь пространства с ментальностью и отразили в пространственных образах противоречия русской жизни и характер народа, причудливо соединивший величие, гордость и отсутствие достоинства; любовь к людям, открытость, бескорыстие и жестокость; стремления к свободе и смирение, рабскою покорность; одаренность, великое трудолюбие и леность.

Необычайно богатую палитру значений имеет в русской литературе образ степи. Ф.П. Федоров в статье «Степное пространство в русской литературе» [9] убедительно показал сквозной характер этого образа и его национальную специфику, обратившись к анализу произведений А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, П.А. Вяземского и А.А. Блока.

По наблюдениям исследователя, у романтиков степное пространство – «безбрежное, свободное пространство, не знающее не только внешних, но и внутренних границ (оно не расчленено "межами"), пространство "первого дня творения", неискаженного

“Божьего мира” противопоставляется пространству цивилизации (пушкинский Алеко бежит в Бессарабские степи, героиня Лермонтова из “цветущих степей” в Петербург (<М.А. Щербатовой>)) [там же, с. 8]. Существенной и константной в романтической поэзии становится оппозиция пространства конечного мира и мира бесконечного.

Ф.П. Федоров отмечает, что первые существенные изменения в концепции степного пространства в русской литературе наблюдаются в поэзии П.А. Вяземского с его «фундаментальной декларацией» степь – воплощение «матушки России». В стихотворении «Степью» (1849) «космополитическое бесконечное романтиков трансформируется в государственно-национальное бесконечное» (славянофильство) [там же, с. 12].

Со степной философией Вяземского органично связано, по мнению исследователя, мировоззрение А.А. Блока. Его «Куликово поле – это историко-мифологический знак степи – Руси» [там же, с. 14]. В то же время, «Блок формулу Вяземского наполняет историографическим и историческим материалом конца XIX – начала XX века, благодаря которому она обретает конкретный историко-мифологический характер», – пишет Ф.П. Федоров. Таким образом, заключает ученый, «степной текст – одно из важнейших созданий русской мысли» – на протяжении столетия претерпевает значительные изменения: «степное пространство романтиков с реестром атрибутов трансформируется у Блока в неомифологическое пространство модернизма» [там же, с. 19].

В последнее время появилось несколько диссертаций, предметом изучения в которых стало пространство степи: «Донская степь как художественное пространство в языке М.А. Шолохова» (2007) С.А. Кононовой [7], «Языковая картина степи в художественном мире А.П. Чехова» (2009) Е.С. Игумновой [6] и др. Однако в основном исследователи обращаются к классическим произведениям русской литературы, оставляя без внимания региональный степной текст, анализ которого, на наш взгляд, представляя научный интерес, позволит ученым более полно осмыслить

национально-региональную специфику одного из ключевых в русской картине мира пространственных образов.

Обратимся к образу оренбургских степей, получившему художественное осмысление в целом ряде произведений XIX–XX веков.

Как справедливо заметил Г. Гачев, «Природа каждой страны есть текст, исполненный смыслов, сокрытых в Матери-и» [5, с. 9]. Природа Оренбуржья – это безграничные, вечные степи, заселявшиеся веками, но не утратившие своей первозданности по сей день. Степная природа – дикая, лишённая пышности, однообразная – способна дать душе покой, подарить ощущение гармонии, исцелить. Об этом писал еще С.Т. Аксаков, выросший в Оренбургском крае и назвавший «простор степных лугов» «миром спокойствия и свободы»: «Прощай, мое уединенье! / Благодарю за наслажденье / природой бедною твоей...» («Прощай, мой тихий, сельский дом!») [4, с. 24].

«Скупое разнообразие картин» дикой оренбургской степи пленяет своей красотой и наших современников: «Простор и блеск. И степь, как океан, / Пуста и молчалива: без ответа / Все тонет в ней, в душистом зное лета...» (И.А. Бехтерев «Степные сонеты») [8, с. 51]. На первый взгляд, в этих строчках – душевное смятение: без ответа остаются вопросы лирического героя, ищущего истины. Степь молчит, но душа невольно полнится ее блеском, разлитым в пространстве ощущением покоя. Поэт дает волю восторгу перед безграничностью степного «простора, света, дали». В поэтической атмосфере степного пейзажа чувства и мысли человека сливаются с ликующим состоянием природы. Восторг перед полнотой мироздания вытесняет горечь и тоску: «Душа болей неслышно забывает – / Не жаль себя, не жаль, что ты один! / А новых бед совсем не принимает. // И право же, какая там печаль, / Когда весь мир – простор, и свет, и даль» [там же].

Степь – это пространство, где взгляд не встречает препятствий, это простор, который манит, но, в то же время, наполняет душу неутолимой тоской: «Азиатская ересь в славянской крови / и тоска по просторам

бескрайним, / это тот вечный зов, / что сильнее любви, / та тревога, что мучает втайне» (В.В.Трефилов «Будто заперли душу мою на засов») [там же, с. 536].

Образ-переживание унылой и печальной степи часто соотносится с мотивом прощания: «Предо мной лежит / Степь печальная. / Все мне слышится / Речь прощальная // Все мне видятся / Взоры милые, / Все твержу «прости» / Через силу я» (М.Л. Михайлов «На пути») [там же, с. 72]; с размышлениями о вечных вопросах бытия: «Так скоро, может быть, покинуть должен я, / О степь унылая, простор твой необъятный; / Но вместо радости зачем душа моя / Полна какою-то тоскою непонятной?...» (А.Н. Плещеев «В степи») [там же, с. 41], с необъяснимой тягой к ее созерцанию, но и с желанием избавиться от этой всепоглощающей грусть-печали, порожденной бесконечным величием степи: «Может быть, в тысячный вечер / Немо глазею на степь, / Может быть, тысячный ветер / Взглянул над солнцем свистеть» (В. Одноралов «Оренбуржье») [там же, с. 199].

Вечное противостояние пустому, бескрайнему, томительному пространству – такова судьба русского человека, «ушибленного ширью»; невозможность вместить в свою душу весь этот бесконечный простор, гул веков, который слышится в вое ветра, порождает вековечную русскую тоску, сопряженную с непреодолимым страданием.

Грандиозность, масштабность степи подавляет человека физически, но возвышает духовно: «Не найдешь ты просторов таких никогда – / в них нетрудно пропасть, утонуть, затеряться!.. / Я люблю в этот край в эту степь возвращаться, / я люблю этот путь бесконечный сюда!.. // Леню свою просвещенную сбрось, пристыди, / посмотри, сколько летом за городом – неба, / сколько здесь караваев грядущего хлеба – / и тогда ты поймешь, что живем мы в степи» (Г.Н. Красников «На уральскую землю однажды ступи...») [там же, с. 319]. Путь «в этот край, в эту степь» – это путь к себе, возвращение к началу, к своим истокам. Прямое обращение автора

к читателю (глаголы «не найдешь», «посмотри», «поймешь», употребленные в определенно-личном предложении) удерживает нас в настоящем времени, переживаемом нами здесь и сейчас, однако в этом миге – отзвук прошлых веков, воспоминания о которых хранит в своем лоне степь: «На ладони полынь разотри и вдохни – / в горечь давних времен погружаясь все глубже, / видишь – ветер гоняет колючку верблюжьую, / сколько долгих веков, в этой гонке они!..» [там же]. Приметы времени здесь раскрываются в пространстве, пространство же втягивается в движение времени.

Образ степи в стихотворении Г.Н. Красникова, и вообще в оренбургской поэзии, тесно связан с образами бурана, метели, со стихией ветра, который «шумит и свистит», вторя гулу эпохальных перемен; разрывая пространство, будит в душе тягу к освоению нового и неизведанного: «На уральскую землю однажды ступи: / Посмотри, как врываются в город бураны, / Как стучатся метели в оконные рамы – / И тогда ты поймешь, / что живем мы в степи» [там же]. Ветер самая изменчивая, подвижная, летучая стихия, но в то же время и самая вечная, неизменная. Синтез этих противоположных начал ощущается поэтом интуитивно, так же, как интуитивно чувствуется древняя неразрывная связь европейского и азиатского в русском человеке: «На Европу и Азию нас не дели... / Здесь все дышит ковыльной спокойную Русью, / сделал шаг – и уже с азиатскою грустью / видишь ты же кругом – ковыли, ковыли...» [там же]. Так уж сложилось, что «человек степной» одновременно живет и тоской по воле, и стремлением к покою.

Свистящими, ревушими, бушующими ветрами наполнена степь в стихотворении В.Н. Кузнецова «В моем краю»: «В моем краю с утра и до утра / Бушуют казахстанские ветра / <...> Они несутся с яростью сарматской / По всем просторам пашен и полей! / Гонимые по этой дикой воле...» [там же, с. 186]. Начиная стихотворение с характеристики настоящего, с личностного «мой край», автор постепенно втягивает в круг непроизвольных ассоциаций далекое

прошлое: в стихии ветра чувствуется дух тех времен, когда жажда открытия новых пространств, завоеваний влекла из края в край племена кочевников: «Трещать в мороз, / в жару сгорать от зноя, / Копить пласты наречий и имен, / Служить в веках трубою вытяжною / Степных пространств / И кочевых племен! / – Вот родина моя...» [там же]. В образе манящей и неразгаданной степи, хранящей тайны веков, духовной истории народов, некогда ее населявших, вновь сливаются постоянно меняющееся и вечное: «Сама стихия ветра здесь живет, / Здесь тучи рыщут конницей Мамай, / Столбами смерчи пыльные вздымая, – И так из века в век, из года в год!..» [там же].

Образ степи, олицетворяющий приобщенность к многовековой истории, становится сквозным в лирике оренбургских поэтов XX века: «Грязно-бурый поленный ландшафт, / Птиц осенних кочевье... / Лишь татарник сухой виноват / В этой тяге дочерней // В том, что даже в больших городах / Слышу топот коней одичалых / Да по ветру развеянный прах / И – начало, начало...» (Н.В. Кондакова «В степи») [там же, с. 237]. «Дочерняя тяга к степи» – тоска по пространству, где мгновение вбирает в себя вечность, где время стремится к началу, к истоку, как одичалая душа рвется к свободе, к воле. Татарник символизирует в стихотворении неистребимую жажду жизни, энергию, толкающую на поиск ответов на вечные вопросы бытия: «Ведь, привязана сзади седла, / Разметавшая косы, / Я, наверное, выжить смогла, / Чтоб ответить на эти вопросы. // Пограничный славянский рубеж, / Половецкое поле. / И татарник до ярости свеж / У меня на подоле» [там же].

Древней силой «дышит» степь и в стихотворении В.В. Трефилова «Будто заперли душу мою на засов...», в котором звучит традиционный в поэзии мотив бегства из городской «несвободы» в просторы степи: «Тесно мне среди спичечных этих дворов, – / и несут меня ноги куда-то / <...> «Кругосветных ветров тихий слышится хор, / облака стьнут стаей гусиной, / и тщедушную грудь наполняет простор / и какая-то древ-

няя сила» [4, с. 282]. Пространство расширяется, и кажется, что степные просторы – вся Русь с ее «бесшабашным размахом, гордым норовом и удалью разбоя». Никакие преграды не стесняют душу, она свободна ивольна вбирать в себя опыт прошлых веков, или устремляться в неизведанное. Погрузившись в мир степной природы, лирический герой В.В. Трефилова начинает по-настоящему понимать смысл и гармонию жизни: «Только там, на холме, одиноко, как куст / застываю и горя мне мало. / Замирает душа от нахлынувших чувств, / обретая все то, что искала» [там же]. Но и здесь, посреди первозданного покоя, его сердце тревожит какая-то смутная тоска, древняя как сама степь, объяснить которую никто не в силах.

Вечное течение времени в бесконечном пространстве олицетворяет образ дороги в степи. «Гудящий простор» степных дорог, кажется, не в силах преодолеть даже скорый поезд: «Поезд мчал / Оренбургской степью, / день и ночь / Оренбургской степью, / и в бескрайних ее просторах / скорость поезда / не ощущалась» (А.А. Тепляшин «Возвращение») [там же, с. 265]. Сравнивая степь с вращающейся пластинкой, по которой поезд «на месте летит что есть мочи», автор показывает, что законы физического времени здесь не действуют: день и ночь бесконечны, как бесконечна сама степь: «...как Вселенной, / ей нет предела, / и, как жизни, / ей нет конца» [там же]. Возвращение в степь – это возвращение к той точке отсчета, с которой начинается осознание человеком своей слитности с миром, с Вселенной, ощущение своей причастности тайнам бытия.

Отмеченные особенности поэтического изображения степного пейзажа в творчестве оренбургских поэтов помогают осознать и общие моменты восприятия этого образа в русской литературной традиции: степь олицетворяет вечное время в безграничном пространстве, органично соединяет «европейское» и «азиатское» начала в русском человеке; пугает своей дикостью и манит бесконечными просторами, тревожит душу вековой тоской и дарит ощущение полной свободы.

References:

1. Berdyaev, N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya [The origins and meaning of Russian communism. Reprint edition reproduction] – Parizh., YMCA-PRESS, 1955. – Moskva., Nauka [Science], 1990. – 224 p.

2. Berdyaev, N.A. O vlasti prostranstv nad russkoi dushei [About the power of spaces over the Russian soul], Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti [Destiny of Russia. The experiments on the psychology of war and nationality] – Moskva., Mysl' [Thought], 1990., pp. 59-65.

3. Veidle, V.V. Zadacha Rossii [The task of the Russia]. – Minsk., Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov' [Belarus Orthodox Church], 2011. – 512 P.

4. Vechnyi bereg: Dva veka poezii Orenburzh'ya: Izbrannaya lirika [Perpetual Beach: Two Centuries of Orenburg poetry: Selected poetry]. – Kaluga., «Zolotaya alleya» [Золотая аллея], 1994. – 384 p.

5. Gachev, G.D. Kosmo-Psicho-Logos: Natsional'nye obrazy mira [Cosmo-psycho-Logos: National images of the world] – Moskva., Akademicheskii proekt [Academic project], 2007. – 511 p.

6. Igumnova, E.S. Yazykovaya kartina stepi v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova [Language picture of the steppe in the art world by A.P. Chekhov], dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – Tambov., 2009. – 151 p.

7. Kononova, S.A. Donskaya step' kak khudozhestvennoe prostranstvo v

yazyke M.A. Sholokhova [Don steppe as an artistic space in the language of M.A. Sholokhov], dis. ... candidate philology 10.02.01. – Moskva., 2007. – 165 p.

8. Oni priletят! Antologiya sovremennoi poezii i prozy Orenburzh'ya [They will arrive! Anthology of contemporary poetry and prose of Orenburg]. – Kaluga., "Golden Alley", 2002. – 640 p.

9. Fedorov, F.P. Steпноe prostranstvo v russkoi literature. GOROD, USAD'А, DOM V LITERATURE [Steppes in Russian literature. CITY, MANOR, HOUSE IN LITERATURE: Collection of scientific reports], Sb. nauch. st. [Collection of scientific reports], Sost. i nauch. red. A.G. Prokof'eva, O.M. Skibina, V.Yu. Prokof'eva. – Orenburg., Publisher OGPU, 2004., pp. 6-19.

10. Khrestomatiya po geografii Rossii. Obraz strany: Prostranstva Rossii [Readings on the geography of Russia. The image of the country: Russia lands], Avt.-sost. D.N. Zamyatin, A.N. Zamyatin; Pod red. D.N. Zamyatina. – Moskva., MIROS, 1994. – 156 P.

Литература:

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания. Париж: YMCA-PRESS, 1955. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

2. Бердяев, Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – С. 59-65.

3. Вейдле, В.В. Задача России. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2011. – 512.

4. Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья: Избранная лирика. – Калуга: «Золотая аллея», 1994. – 384 с.

5. Гачев, Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический проект, 2007. – 511 с.

6. Игумнова, Е.С. Языковая картина степи в художественном мире А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2009. – 151 с.

7. Кононова, С.А. Донская степь как художественное пространство в языке М.А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. – М., 2007. – 165 с.

8. Они прилетят! Антология современной поэзии и прозы Оренбуржья. – Калуга: «Золотая аллея», 2002. – 640 с.

9. Федоров, Ф.П. Степное пространство в русской литературе // ГОРОД, УСАДЬБА, ДОМ В ЛИТЕРАТУРЕ: Сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. А.Г. Прокофьева, О.М. Скибина, В.Ю. Прокофьева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 6-19.

10. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; Под ред. Д.Н. Замятин. – М.: МИРОС, 1994. – 156 с.

Information about author:

Iuliana Pykhtina - Candidate Education, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg shen; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

